

Йонас Мардоса
(Вильнюс, Литва)

ВИЛЬНЮССКИЕ ВЕРБЫ В НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИТОВЦЕВ И ПОЛЯКОВ ЛИТВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Вильнюсские вербы изготавливаются из сухих растений и являются формой проявления народного искусства, но функционируют как религиозный символ во время Вербной недели. Задача этой статьи – анализ функций вильнюсских верб в народной религии и в народной культуре литовцев и поляков во второй половине XX – начале XXI века с целью выяснить взаимосвязь региональных, этнических и конфессиональных особенностей символа. Вильнюсские вербы впервые появились в середине XIX века в окрестностях Вильнюса. Первоначально они были связаны с польской религиозной культурой Юго-Восточной Литвы. Во второй половине XX в. вильнюсские вербы, благодаря их реализации на ярмарке Казюкаса, уже тесно связаны с литовской и польской народной культурой Вильнюсского края. Поэтому в начале XXI в. вильнюсские вербы в традициях Вербного воскресенья и ярмарки Казюкаса функционируют среди литовцев и поляков Литвы как символ польской и литовской идентичности. Таким образом, в начале XXI в. вильнюсские вербы являются уникальным фактом литовской и польской народной религии, народной культуры и этнической идентичности.

Ключевые слова: Вербное воскресенье, вильнюсские вербы, народная религия, народная культура, идентичность, символ.

Vilnius verba (palm) is produced from dry plants and are the fact of folk art expressions, but function as a religious symbol during Palm Sunday, which was the context of its origin. The tasks of this article are to analyze function Vilnius verba in Lithuanian and Polish folk religion and folk culture in second half of the 20th and the beginning of the 21st century and to reveal the relationships symbol between regional, ethnic and confessional particularities. The Vilnius verba first appeared in the middle of 19th century in the surrounding areas of Vilnius. Originally these verba were associated with the Polish religious culture of southeast Lithuania. In the second half of 20th century Vilnius verba during fair Kaziukas already are strongly linked to the Lithuanian and Polish folk cultures of the Vilnius region. Also in the beginning of 21st century Vilnius verba have a continuation in the traditions of the Palm Sunday and fair Kaziukas in the context of folk religion of Lithuanian and Polish believers of Lithuania. Thus, in the beginning of 21st century Vilnius verba is a unique fact of Lithuanian and Polish folk religion and folk culture and ethnic identity.

Keywords: Palm Sunday, Vilnius verba (palm), folk religion, folk culture, identity, symbol.

Вильнюсскими вербами принято называть плетеные (вязаные) из сухих цветов и трав ритуальные символы Вербного воскресенья (фото 1). Вербы в XIX в. начали изготавливать в окрестностях Вильнюса. До середины XX в. их вязали в основном в среде польскоязычного населения. В конце XX в. данный тип верб плетут и в других местах Литвы, в Польше, Беларуси. Меняется также их место в народной религии и народной культуре литовцев и поляков Литвы. В статье ставится задача выяснить, почему символ, имеющий локальный характер в условиях современности, расширил ареал распространения в Литве, а также проана-

Фото 1

лизировать функции вильнюсских верб во время ярмарки Казюкаса (4 марта) и

Вербного воскресенья с целью выяснить взаимосвязь их с религиозной деятельностью и народной обрядовой культурой литовцев и поляков Литвы. Основу материалов составляют данные, собранные автором статьи во время этнографических экспедиций в первом десятилетии XXI в. Опрос производился в Вильнюсе и его окрестностях с 2003 года ежегодно. Связанные с вопросами *Вильнюсских верб* материалы собирались и в различных местностях Литвы. Всего путем неформализованного интервью опрошено около 200 респондентов, сделано несколько сотен фотоснимков. В статье также используются труды этнологов и исследователей народной культуры.

Исследования различных аспектов *вильнюсских верб* в XX в. производились в основном в Литве. Хотя плетение верб возникло и существует, как правило, среди представителей польской национальности, труды по этой теме написаны преимущественно литовскими авторами. Однако первыми художественные качества верб в первой половине XX в. оценили польские художники [8]. В 30–40-е годы XX в. статьи по данной теме принадлежали писателям, краеведам, журналистам [4, р. 165–166]. В советское время этнологи над этой тематикой работали мало или избегали писать о связи верб с религиозной сферой, оценивая их как произведение народного искусства. Так, А. Вишняускайте, которая одна из первых рассматривала особенности плетения верб, ареалы их производства, сырье и другие темы, акцентировала внимание на художественных свойствах символа [17, р. 69], и такая трактовка *вильнюсских верб* продолжалась и в конце XX в. Как уникальное этнокультурное явление, их рассматривала И. Жилене [18, р. 21–29], колорит верб анализировала М. Куодене [10, р. 94–97]. Обрядовый искусствоведческий подход свойствен А. Каргаудене [6, р. 6–9]. Наиболее последовательно *вильнюсские вербы* изучал этнолог Ю. Кудирка [7, р. 5–7; 9, р. 8–10]. Его перу принадлежит широко иллюстрированное издание, в котором в контексте анализа христианского смысла *вильнюсских верб* автор коротко осветил особенности применяемого для плетения верб сырья и сам процесс плетения, разновидности и типы, а также изменения по времени в образе символа [8]. Фактиче-

ский материал о современном состоянии ремесла в традиционной территории изготовления *вильнюсских верб* и мастерах представлены в информационном издании руководителя кружка вязальщиц верб в поселке Чеконишкес Я. Норкунене [14, р. 52]. Таким образом, больше всего исследователи расценивали вербы как произведение народного творчества. В начале XXI в. в контексте изучения обычаев Вербного воскресенья и верб Восточной Литвы и Западной Беларуси *вильнюсские вербы*, как одну из тем, стал изучать Й. Мардоса [12, р. 115–127; 13, р. 154–164; 21, с. 120–129]. Интересные труды исследователей и других народов. Привлекают внимание воспоминания польского этнолога М. Знамеровской-Пруфферовой о жизни в 1944–1945 годах в Вильнюсе, в которых содержатся короткие, но особенно ценные заметки о различных сторонах бытования верб в обрядовой и житейской сферах вильнюсцев [19]. *Вильнюским вербам* статью посвятила белорусский искусствовед В. Лобачевская [20, с. 231–238]. Автором освящается история возникновения и функционирования *вильнюсских верб* и в частности их связь с польской и белорусской культурами.

Представленный обзор основных исследований *вильнюсских верб* отчетливо показывает, что отсутствует более существенное изучение места *вильнюсских верб* в народной религиозности и народной культуре литовцев и поляков. Поэтому в нашей статье попытаемся в определенной мере заполнить этот пробел в исследованиях.

Истоки и современный ареал плетения вильнюсских верб в Литве

Вильнюсские вербы возникли как региональный символ католической обрядовой культуры. Многие авторы сходятся к мнению, что картина художника К. Русецкого «Литовка с вербами» (1847) [11, р. 32] является первым подтверждением существования такого рода верб. Название картины натолкнуло исследователей на поиск истоков верб в литовской религиозной среде. Однако М. Знамеровская-Пруфферова в 1944 году писала также о картине, которая сохраняется в Вильнюсе в Белорусском музее, где у костела Августинов изображена белоруска с вербами [19]. По мнению В. Лобачевской, эта картина («белоруска») была нарисована

раньше, а «литовка» является уже повторением первой [20, с. 233]. Таким образом, имеем дело с двумя идентичными картинами. Трудно объяснить причины такой ситуации, однако, поскольку вербы всегда были частью многонациональной католической художественной культуры жителей Вильнюсских окрестностей, то, возможно, использовали в религиозной практике католики различной этнической принадлежности. Этнические факторы связаны и с другими сторонами существования символа. По примеру существующего в Польше названия праздника «Пальмовое воскресенье» (*Niedziela Palmowa*), как и самого освящаемого символа (*palmy*), среди поляков Юго-Восточной Литвы и в литературе существует название *вильнюсские пальмы* (пол. *Palmy wileńskie*, *Wileńskie palmy*). Напр., авторы, изучавшие *вильнюсские вербы*, называют их по польскому образцу «*Wileńskie palmy*» [8; 14]. «Вильнюскими пальмами» называют их и белорусы [25; 20, с. 233], тогда как в литовской литературе и в быту они именуются *вильнюскими вербами*.

Исключительное значение для нашего исследования имеет то обстоятельство, что практически до последних десятилетий XX в. вязанием *вильнюсских верб* занимались на небольшой территории западнее Вильнюса. Имелись в литературе попытки определить ареал изготовления верб на 30–50 км вокруг Вильнюса [17, р. 69]. Однако изучавший *вильнюсские вербы* Ю. Кудирка отмечал, что изначально ареал охватил пригородные окрестности на запад от Вильнюса (окрестности Вуйвидишкес и Судярве) [8]. Такое положение сохраняется и в начале XXI в. На основе регистрации мест плетения верб Я. Норкунене установила, что во второй половине XX в. ареал плетения достигает 20 км в западном направлении от современных границ Вильнюса и занимает административные территории (*сенюни*) Зуюнай (бывшей Вуйвидишкес) и Судярве. Границы в целом совпадают с определением Ю. Кудирки, только в середине XX века основной ареал занимал 12 деревень с расстоянием на несколько километров от Вильнюса, а в начале XXI в. центры с более интенсивным плетением верб перемещаются в сторону Судярве. В 1945–2009 годах вязанием верб занимались в 43 деревнях, и Я. Норкунене

собрала сведения всего об 295 мастерах (8 из них переселились в Вильнюс), среди которых только 24 мужчины. В 2009 году *вильнюсские вербы* вязали в 22 деревнях, и этим ремеслом занимались 94 женщины (142 умеющие не работали) [14, с. 49–50]. На территории Вильнюсского района в поселке Чеконишкес (находится между Вуйвидишкес и Судярве) сосредоточена основная масса вязальщиц и существует один из основных современных центров плетения *вильнюсских верб*. В поселке с 1995 года действует фольклорный кружок вязальщиц верб «*Cicha Nowinka*». В образовательных программах и деятельности кружка в созданной в 2000 году *Светлице верб и быта Чеконишкес*, также и в музее верб, они представляются как самобытный образец народного искусства Вильнюсского края [14, с. 52].

В этой связи представляет интерес тот факт, что во многонациональной этнокультурной среде Вильнюсских окрестностей в 2009 году из 94 занимающихся этим ремеслом женщин все являлись представительницами польской национальности [14, с. 32–48]. Хотя количественные показатели национальной структуры населения всегда были в движении, по данным переписи населения в 2001 году поляки составили 61,23 % жителей Вильнюсского района [5, р. 192]. Также отмечается, что развитие художественного ремесла сохраняет стабильную связь с центрами плетения верб в окрестностях Вильнюса. Поэтому в соседнем Шальчининкайском районе, где в этнической структуре жителей преобладают поляки, традиция плетения *вильнюсских верб* не складывается (хотя в обрядовой жизни используют).

Однако в условиях современности пространственные границы *вильнюсских верб* в Литве расширились за счет изготовления верб в ранее не известных местах Литвы, т. е. в других регионах Литвы. Хотя М. Знамеровская-Пруфферова писала, что, по сведениям Ю. Кудирки, примерно в 1988 году в Каунасе повстречались единичные образцы верб с крашенными бесмертниками [19, р. 174], ареал вязания *вильнюсских верб* только к концу XX в. расширился в другие места Литвы. По данным автора, в 1989 году были установлены факты изготовления верб, кроме традиционных деревень Вильнюсского района, и в Вильнюсе, в некоторых местах

Восточной Литвы, а также в западной ее части – в Шяуляйском районе [8, р. 7]. По данным наших полевых исследований, известны мастера, проживающие в Телшяйском и в других наиболее отдаленных от Вильнюса районах Западной Литвы. Напр., в Варенском районе (юго-восточная часть Литвы) вербы изготавливают три мастера, являющиеся членами Общества народного творчества Литвы [1, р. 29].

Таким образом, в начале XXI в. вязальщики верб спорадически работают по всей Литве. Распространению ареала плетения *вильнюсских верб* за пределами традиционной территории изготовления стимулируют перемены в их трактовке. Среди представителей литовской национальности во второй половине XX в. образовался подход к вербам как явлению литовского народного искусства. Примерно с 1985 года органами «советской власти» было дано разрешение представлять их на выставках литовского народного искусства [8, р. 19]. В литовских школах некоторые мастера плетения обучают желающих изготавливать их как самобытное изделие литовского народного искусства. Очевидно, что в условиях современности проявляется стремление литовцев подчеркивать свою связь с *вильнюсскими вербами*. Напр., в Семялишкес (Тракайский р-н) в конце XX в. параллельно с поляками вербы стали вязать и литовцы. Во второй половине XX в. возникла тенденция акцентировать этнический аспект символа, и тем самым на второй план отодвинулись религиозные свойства верб [24, р. 383–390]. Такому положению способствовала и реализация их в Вильнюсе во время ярмарки *Казюкаса*. *Вильнюсские вербы* превратились в символ весенних праздников светского и религиозного характера.

Вербы на ярмарке Казюкаса. В середине 30-х годов польские художники обратили внимание именно на художественные качества верб [18, р. 28]. Это создало условия для перехода символа из ритуально-обрядовой сферы Вербного воскресенья в пространство ярмарки *Казюкаса*. От середины XIX в. ярмарке свойственна продажа деревянных хозяйственных изделий в день престольного праздника в честь покровителя Литвы св. Казимира [15, р. 151]. Кроме необходимых для хозяйства предметов, на ярмарке торговали и

традиционными кондитерскими изделиями, а в предвоенные годы ярким акцентом ярмарки стали вербы [2, р. 201–202]. Этому способствовали также усилия художника Ф. Рушица, обучающего вязальщиц верб с целью повысить художественные качества *вильнюсских верб*. Не случайно в 1940 году в описании ярмарки *Казюкаса* этнограф М. Чильвинайте красоту *вильнюсских верб* связывает с именем Ф. Рушица, который изобрел способ красить цветы, сушить их и консервировать, а в композициях использовать орнаменты народных поясов [3, р. 103]. М. Знамеровская-Пруфферова также отмечала, что ренессанс или даже восстановление традиций плетения данных верб в целом связаны с профессором Ф. Рушицом, поэтому под его влиянием плетёные вербы называли «рушчицувки» [19, р. 174].

Однако в 1950–1960-е годы ярмарка *Казюкаса* из-за связи с престольным праздником вышла за пределы городских официальных мероприятий советского периода. Власти лишь примерно в 1970–1971 годах отменили запрет на продажу *вильнюсских верб* во время ярмарки, хотя их продажа в незначительном объеме существовала на одном из рынков (Кальварийском) Вильнюса. На ярмарке *Казюкаса* вербы – основной репрезентант регионального народного искусства. Следует отметить, что во время ярмарки вербы не теряют связи с религиозной сферой. Связь со св. Казимиром в современных вербах иногда подчеркивают, выплетая из цветов тимофеевки образ сердца «*Сердечка Казюкаса*», а в нижней ее части королевскую корону, т. е. символы св. Казимира. Вербы, предназначенные для освящения во время Вербного воскресенья (как более пригодны для ритуальных целей), бывают более короткие. На ярмарке вербы иногда достигают и двухметровой длины.

Так как одним из основных центров современной реализации верб является ярмарка *Казюкаса*, в 2009 году во время ярмарки автор статьи провел опрос продавцов с целью выяснить их место проживания (фото 2). В последствии исследования выяснилось, что среди нескольких десятков вязальщиц только единицы проживают в различных местностях Восточной Литвы (в основном в Вильнюсском регионе) и по одному мастеру представили Тялшяй (Западная Литва) и Варшаву.

Возможно, вязальщикам верб других регионов Литвы трудно включиться в переполненный продукцией из Вильнюсских окрестностей рынок и они ориентируются на местную среду. Представители традиционных центров плетения торгуют в Вильнюсе и во время Вербного воскресенья. *Вильнюсские вербы* как изделия, имеющие региональный характер, на ярмарке сохраняют свои позиции. В начале XXI в. изготовление верб – неприбыльное занятие, и мастера занимаются вязанием как формой самовыражения. Иной характер ремесло имело в 30-е годы XX в., когда для жителей бесплодных песчаных деревень Вильнюсских окрестностей плетение и продажа верб служили хотя и незначительным, но дополнительным источником дохода для женщин, изготавливающих *вильнюсские вербы* [2, р. 202].

При рассмотрении традиционного ареала изготовления *вильнюсских верб* важно отметить, что в предвоенные годы, когда Юго-Восточная Литва, как и Западная Беларусь, входила в состав Польского государства, влияние ярмарки *Казюкаса* распространилось на белорусские земли, поэтому в Беларуси имеются попытки связать их с культурой белорусско-литовского пограничья [20, р. 231, 237–238]. Хотя, напр. М. Знамеровская-Пруфферова писала, что в конце XIX в. в окрестностях Бенякайняй (Беларусь) встречались цветные вербы [19, р. 174]. Однако, кроме этого упоминания, иных данных не имеется, поэтому связать истоки верб с территорией современной Беларуси нет других весомых доказательств. На такой вывод также наталкивает и то обстоятельство, что в 2009 году во время ярмарки *Казюкаса* не выявлено ни одного торговца, проживающего между Вильнюсом и границей Беларуси, хотя не исключено, что отдельные случаи плетения на этой территории возможны. С другой стороны, в начале XXI в. в Гродненской области исследователи зафиксировали переселенцев из Литвы или их потомков, которые во время Вербного воскресенья продавали вербы собственного производства, но это были единичные случаи [23, р. 201]. По мнению вязальщиц, ремесло не имеет более ясной перспективы, так как не существует спроса на их изделия. Такое положение художественного ремесла позволяет судить лишь о расширении терри-

Фото 2

ториальных рамок плетения *вильнюсских верб* в условиях современности. В советские годы в Западной Беларуси сеть костелов практически была разрушена [12].

Таким образом, в течении XX в. эстетические качества *вильнюсских верб* способствовали постепенному переходу верб в более широкий общественный контекст Литвы и, благодаря их художественным качествам, они стали одним из символов ярмарки *Казюкаса*. Декоративная сторона верб больше всего важна для секуляризованной части населения, которая может использовать *вильнюсские вербы* в качестве украшений интерьера, как подарки, сувениры и т. п.

Среда функционирования *вильнюсских верб*. Хотя вербы активно функционируют в профанной среде ярмарки *Казюкаса*, изначальной сферой их применения, как уже отмечали, была сфера религиозной культуры. Поэтому даже активное распространение верб в контексте ярмарки в качестве произведения народного искусства не исключила их связи с Вербным воскресеньем. Не случайно взгляд на вербы как на религиозный атрибут существовал в коридорах партийной власти, которая длительное время запрещала их публично реализовывать. Поэтому сохранению ремесла вязания *вильнюсских верб* в советский период способствовало акцентирование исследователями в символе этнокультурного, а не религиозного начала. Важным достижением в сохранении ремесла служило разрешение мастерам выставлять вербы на выставках литовского народного искусства. Выход *вильнюсских верб* на новое культурное пространство стал важным аргументом в условиях

атеистической пропаганды для включения этих верб в художественную жизнь «советской Литвы». Поэтому можно предположить, что восприятие *вильнюсских верб* как образца народного искусства и части литовской народной культуры способствовало также сохранению символа и в польской культурной среде во время борьбы с религией. Трактовка их как произведения народного искусства обеспечила переход *вильнюсских верб* в более широкий общественный контекст.

Не случайно в начале XXI в. *вильнюсские вербы* становились выражающим польскую и литовскую идентичность этноконфессиональным символом. Важно также отметить, что подход к *вильнюсским вербам* как произведению народного творчества особенно важен в таких случаях, когда вербы выступают в качестве этнического символа. Такой подход известен в Пуньске (Польша, пограничный с Литвой литовский приход) где из-за литургических соображений (сухой материал не выражает идеи воскресения) негативный подход к вербам из сухого материала со стороны ксендзов не меняет позитивного отношения верующих к вербам как проявлению этнической культуры литовцев, и паломники приносят освящать приобретенные на базаре *вильнюсские вербы* местного производства (так как к ремеслу плетения верб обучают в литовской школе искусств городка) [16, р. 196].

В условиях современности в Юго-Восточной Литве, и особенно в Вильнюсе, *вильнюсские вербы* присутствуют в церковных обрядах и как все вербы имеют место в практике народной религиозности. В начале XXI в. в Вильнюсе и окрестностях города католики освящают *вильнюсские вербы*, а также применяют символ для украшения костелов. Напр., в 2008 году в Судярве (Вильнюсский р-н) автор обнаружил декорированный вербами алтарь и пространство костела. В данном случае поляки подчеркивают при помощи символа свои связи с их этнической традицией. Городок Судярве находится на территории современного ареала плетения верб. Можно предположить, что по этой причине ксендзы впускают вербы в костел как религиозный атрибут и символ этнокультурного наследия поляков. Тем более, как уже отмечали, плетение *вильнюсских верб* сохраняет позиции в польскоязыч-

ной среде Вильнюсского края и служит образцом их народной культуры.

Функционирование *вильнюсских верб* во время ярмарки *Казюкаса* не вытолкнуло их из церковно-обрядового оборота, и в условиях современности они функционируют в качестве литургического символа. В этой связи должны заметить, что хотя *вильнюсские вербы* используют в народных обычаях, в данных действиях имеются запреты, основаны на литургической трактовке верб в целом. Как не имеющие вегетативных свойств, плетеные из сухого материала вербы не соответствуют тем ожиданиям людей, которые они вкладывают в освященные живые ветки ивы или можжевельника.

Не случайно в этнологов появляется десакрализованный подход к символу. Ю. Кудирка отмечает, что уже в XX в. они потеряли обрядовый характер и стали декоративным предметом [9, р. 8]. Ранее А. Вишняускайте подчеркивала, что *вильнюсские вербы* не служили (как в Вербное воскресенье освященные ветки можжевельника) инструментом бичевания и были образцом народного искусства [17, р. 69]. В действительности в народной религиозности вербы из веток деревьев служили не только средством бичевания, хотя в Восточной Литве до середины XX в. существовал такой способ выгона скота первый раз на пастбище, как и ритуальное битьё людей освященными прутьями ивы или можжевельника. Такие вербы хранили в помещениях как оберег, использовали в различных магических практиках и т. д. [22, р. 47]. Что касается *вильнюсских верб*, то они в магических практиках не присутствуют, однако постоянно являются частью обрядовой жизни Вербной недели. И вязальщицы отмечают, что *вильнюсские вербы* в контексте Вербной недели являются существенным атрибутом праздника, а освященными веточками в жилых помещениях украшали картины святых [18, р. 28]. Освященные *вильнюсские вербы* также помещают на могилах родных (Судярве, Вильнюс), и эта традиция имеет глубокие корни. Известно, что в первой половине века после похорон цветную вербу втыкали в могильный холмик [19, р. 207].

С другой стороны, во второй половине XX в. и освященные традиционные вербы из живого материала дома у верую-

ших хранятся как память о празднике и теряют сферу применения, особенно в магических практиках. Даже если освященная традиционная или *вильнюсская верба* сохраняются дома как символ без подчеркивания конкретных специфических целей, то они сакрализируют пространство. Поэтому освященные в Вербное воскресенье вербы могут быть как символ праздника и как компонент народной религиозности.

Таким образом, часть участников во время Вербного воскресенья приносят в костел *вильнюсские вербы* и освящают как ритуальный атрибут (в данном случае не говорим о приобретаемых во время ярмарки *Казюкаса* вербах, которые расцениваются как произведение народного искусства). Наиболее часто в начале XXI в. плетёные вербы в литургической практике применяют лица более молодого возраста, и особенно представители интеллигенции, для которых вербы становятся символом Вербного воскресенья и весеннего цикла календарных праздников в целом. Так вырисовывается тенденция наряду с традиционными вербами освящать *вильнюсские вербы* и тем самым придавать имеющемуся инвентарю образ ритуального предмета. В таких случаях, когда имеются намерения впредь использовать вербы как оберег или в различных магических целях, при освящении к плетёным вербам кладут ветку ивы или можжевельника, и тогда *вильнюсская верба* сохраняет образ символа праздника. В то же время живые, соответствующие христианским канонам, ветки деревьев людьми воспринимаются как сакраменталии с возможностями использования их в магических целях (Вильнюс, Вильнюсский и Шальчининкайский р-ны).

Как отмечали, *вильнюсские вербы*, наряду с их пониманием как формы выражения народного творчества поляков, одновременно служат элементом литовского народного искусства. Однако этот аспект верб более важен во время ярмарки *Казюкаса*. Когда рассматриваем освящение *вильнюсских верб* во время Вербного воскресенья, наблюдаем иное положение. В Вильнюсе и в костелах Вильнюсского района освящают данный тип верб, но это случается больше всего во время богослужения на польском

языке. Когда рассматриваем полевой этнографический материал, в нем обнаруживаем только минимальные следы освящения этих верб в других регионах Литвы. Таким образом, *вильнюсские вербы* в основном освящаются в костелах Вильнюса и на территории Юго-Восточной Литвы в большей мере как образец польской религиозной культуры. Поэтому можно утверждать, что только в контексте народного искусства *вильнюсские вербы* расширили ареал изготовления за счет плетения литовскими мастерами, а в обрядовой сфере в целом сохраняется традиция освящения веток живых деревьев. И только когда вербы выступают в качестве этнического символа, их освящают литовцы и поляки, вкладывающие в семантику *вильнюсских верб* содержание различной природы, в которой акцент ставят на подчеркивание их связи с идентичностью народов.

Важно отметить, что хотя *вильнюсские вербы* начали изготавливать и в национально, и в конфессионально смешанной среде, их реальное функционирование не позволяет связать вербы с обрядовой жизнью православных. Представители ортодоксальной церкви Литвы *вильнюсские вербы* в религиозной практике не употребляют. На ярмарке *Казюкаса* или в костеле во время Вербного воскресенья православные приобретают их в качестве декоративного изделия, но не используют в церковных обрядах [12, р. 124]. Очевидно, что католическое происхождение плетёных верб определяет то, что вязальщицы верб не принимают участия в обширной праздничной торговле вербами из веток деревьев и трав у церквей во время Вербной недели, так как в контекст православных церковных обрядов *вильнюсские вербы* не включают. Поэтому очевидно, что католическая основа *вильнюсских верб* определила конфессиональные и культурные предпочтения православных Вильнюса. Это позволяет утверждать, что в обрядовой сфере *вильнюсские вербы* связаны с пасхальным периодом литовцев и поляков. Поэтому в условиях современности они функционируют как региональный религиозный символ, в котором проявляются художественные традиции жителей Вильнюсских окрестностей, и как выражающая этнический идентитет литовцев

и поляков семантика [21, р. 120–124]. В религиозной среде они распространяются как сакральный предмет, а в профанной – как произведение народного искусства, сохраняя тем самым и связь с народной религиозностью.

Вильнюсские вербы возникли как локальный образец католической религиозной культуры поляков Юго-Восточной Литвы. В конце XX в. усилился подход к *вильнюсским вербам* как к художественному творчеству литовцев, составной части народной культуры и важному символу их культурного идентитета. Поэтому ареал плетения и распространения *вильнюсских верб* теряет связь с традиционной средой их изготовления, и как предмет народного искусства литовцев, их спорадически плетут по всей территории Литвы. Однако основная часть вязальщиц *вильнюсских верб* проживает на традиционной территории изготовления верб – в окрестностях Вильнюса.

Идеологические мотивы и процессы этнокультурного характера способствовали в советский период десакрализации верб и утверждению понятия их как секулярного образца народного творчества, что создало условия дальнейшего включения *вильнюсских верб* в контекст ярмарки *Казюкаса* и становления одним из основных символов мероприятия. В контексте Вербного воскресенья данные вербы имеют спрос в католической среде как символ религиозной культуры поляков Литвы и освящаются в костелах поляками и в меньшей мере литовцами в костелах Вильнюса, на территории Юго-Восточной Литвы и также в меньшей мере в костелах других народов. Таким образом, *вильнюсские вербы* во второй половине XX – в начале XXI в. функционируют в литовской и польской среде как символ, который связан с их культурой – как часть обрядовой жизни Вербной недели и предмет декоративного искусства на ярмарке *Казюкаса*. Поэтому результаты исследования позволяют судить, что такое положение определено в первую очередь художественными качествами символа, а современное стремление придать вербам этнические преференции стимулирует восприятие верб как часть культурного наследия Литвы.

Литература

1. Auksalio kupkas. Varėnos krašto kūrėjai. – Kaunas, 2010.
2. *Cičėnas J.* Liaudies gamybos šventė. Šv. Kazimiero mugės paraštyje // *Naujoji Romuva*. – 1940. – N 10.
3. *Čilvinaitė M.* 1940 metų Kaziuko mugė Vilniuje // *Mūsų kraštas*. – 1998. – N 10.
4. *Čiurlionienė-Kymantaitė S.* Vilniaus moterų brangusis darbelis // *Šviesos keliai*. – Kaunas, 1931. – N 3.
5. Gyventojai pagal lytį, amžių, tautybę ir tikybę. – Vilnius : Statistikos centras, 2002.
6. *Kargaudienė A.* Verba – šventė, verba – liaudies menas // *Vydija*. – Kaunas, 1993. – N 3.
7. *Kudirka J.* Velykų šventės. – Vilnius, 1992.
8. *Kudirka J.* Vilniaus verbos. – Vilnius, 1993.
9. *Kudirka J.* Vilniaus verbos // *Mokslas ir gyvenimas*. – 1989. – N 3.
10. *Kuodienė M.* Vilniaus verbų spalvos // *Spalva lietuvių liaudies mene*. – Vilnius, 1988.
11. Lietuvos tapyba. XVI–XIX. – Vilnius : Vaga, 1970.
12. *Mardosa J.* Rytų Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos verbos: Liaudiškojo pamaldumo raiška XX a. antrojoje pusėje – XXI a. pradžioje. – Vilnius : VPU leidykla, 2009. – P. 115–127.
13. *Mardosa J.* The Verba and Ethno-Confessional Identity in Eastern Lithuania and Western Belarus. *Acta Historica Universitatis Klaipedensis XX: Studia antropologica IV: Identity Politics: Migration, Communities, and Multilingualism*. – 2010. – P. 154–164.
14. *Norkūnienė J.* Vilniaus verbos: gyvoji istorija. – Vilnius, 2010.
15. *Ogrodowska B.* Zwyczaj, obrzędy i tradycje w Polsce. *Mały Słownik*. – Wydanie II. – Warszawa, 2001.
16. *Vaičekauskienė A.* Punkskiečių kalendorinės šventės ir papročiai // *Punsko ir Seinų krašto lietuviai: etninio ir kultūrinio tapatumo bruožai: straipsnių rinkinys*. – Punkskas : Punksko «Aušros» leidykla. – 2006. – P. 193–222.
17. *Vyšniauskaitė A.* Verbos // *Kultūros barai*. – 1967. – N 5.
18. *Žilienė I.* Vilniaus verbos – arealas ir paskirtis // *Liaudies kultūra*. – 1999. – N 1. – P. 21–29.
19. *Znamierowska-Prüfferowa M.* Vilnius, miestas arčiausia širdies. – Vilnius : Alma littera, 2009.
20. *Лабачэзская В.* Віленскія пальмы // *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiete Smulkowej*. – Warszawa, 2003. – S. 231–238.
21. *Мардоса Й.* Вильнюсские вербы в системе народной религиозности современной

Юго-Восточной Литвы и Западной Беларуси // Наше наследие: формирование устойчивой модели развития народной художественной культуры в современном мире [текст]: материалы VI международного научного симпозиума 23–26 июня 2008 года г. Улан-Удэ – оз. Байкал : Байкальские встречи VI / науч. ред. Н. Б. Дашиева. – Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – С. 120–129.

22. *Мардоса Й.* Освященная верба в обрядах Западной Белоруссии и Восточной Литвы // Традиционная культура. – М., 2007. – № 1.

23. *Мардоса Й.* Роль верб в этноконфессиональной идентичности в современной

Юго-Восточной Литве и Западной Беларуси // Вісник Одеського національного університету. – О., 2010. – Т. 15. – Вип. 11. – Ч. 1 : Психологія.

24. *Мардоса Й.* Символ и вопросы религиозной идентичности в полиэтноконфессиональной среде: вербы в современной Западной Беларуси и Восточной Литве // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии / материалы Международной научной конференции 29–30 мая 2008 г. – Смоленск, 2008. – С. 383–390.

25. Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. – Мінск, 1989.